

С незапамятных времен утвердилась прочная традиция в рецензиях упоминать имя художника-оформителя последним, в лучшем случае, приписав несколько малозначительных фраз. Впрочем, прежде чем опротестовывать этот неписаный закон, я хочу сказать, что немало оформителей действительно заслуживают лишь упоминания, ибо они создают иллюстрацию, иллюзию фона для действия, не стараясь вникнуть в образную суть произведения. Но есть другие художники, которые подходят к своей работе с тем горячим и мучительным чувством, которое свойственно лишь истинно творческим людям. Им важен не фон, а внутренняя мысль спектакля, они ищут то един-

ным, — вспоминает художник. — Режиссером театра был талантливый и дерзновенный человек Макарим Магадиев. Он явился истинным реформатором сцены, в каждом спектакле искал нечто новое, оптимальное и, как правило, добивался своего. Не побоюсь сказать, что он явился подлинным учителем многих артистов и режиссеров, получивших впоследствии большую известность.

Интересно вспомнить репертуар Башкирского драматического театра тех лет: «Борис Годунов», «Бронепоезд 14-69», «Любовь Яровая», «Как закалялась сталь», «Карлугас», «Хакмар», «Каким туря», «Семнадцать—тридцать». И кол-

# ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК ТЕАТРА

## На соискание премии имени Салавата Юлаева

ственное образное решение, которое выразило бы самую сокровенную суть спектакля и придало бы игре актера наибольшую выразительность.

Не один год посещая спектакли Башкирского театра оперы и балета, оформленные главным художником театра Мухаметом Нуриахметовичем Арслановым, я всегда испытывал спокойное и счастливое чувство постижения его оформлений. У него они никогда не бывают иллюстративно-ординарными, что-то непременно вызывает на размышления, на обозначение основной темы. И только когда я побывал на его юбилейной выставке, а затем ближе познакомился с его эскизными работами и этюдами, мне более ярко раскрылась творческая лаборатория его и логика его мысли.

Вот последняя из премьер театра — опера «Борис Годунов». В каждом действии, в каждой картине мы видим своеобразное решение художника, продиктованное смыслом этих картин. Москва деревянная сочетается с Москвой белокаменной; причем, если белокаменность ее выражена ослепительно (яркость стен и куполов Успенского собора, кроваво-красные дорожки для «божьих помазанников», отточенные формы храма Василия Блаженного), то деревянная Москва предстает перед нами то в зубчатом орнаменте сцены, то в жестком контрасте халуп.

А как передана келья Пимена! Летописец пишет историю Руси, и как бы символизируя это, над тускло озаренной аркой кельи возникают почти мифические образы — сама эта история.

Интересна и такая деталь. В какой бы роскоши ни пребывали цари и бояре, озаренные ореолом парящих над их головами святых, они входят в эти светелки, согнувшись в три погибели — таковы двери, они — символ их низменности.

Или вот еще только одна картина из балета «Черноликий». В повести М. Гафури опозоренных Галиму и Закира ведут по деревенской улице, мимо ворот и оград. М. Арсланов предлагает свое решение: вместо деревни остается одна только мечеть, вдавленная в землю, как бы уходящая в вековечность. Поодаль — кладбище, и озверевшие люди тащат бедных любимых мимо этой мечети.

Здесь очень много символики.

Можно привести немало таких оригинальных решений, благо М. Арсланов оформил около 130 оперных и балетных спектаклей. Среди них такие классические вещи, как «Князь Игорь» [кстати говоря, эскизы к этому спектаклю приобретены известным Бахрушинским музеем в Москве], «Мазепа», «Иван Сусанин», «Демон», «Евгений Онегин», «Аида», «Кармен», «Ромео и Джульетта», «Лебединое озеро», «Красный мак», «Журавлиная песня», «Салават Юлаев».

И тут в самый раз сказать о том, как М. Арсланов начинал работать главным художником Башкирского драматического. Это было в начале тридцатых годов, после того, как он окончил Ленинградскую художественную академию. Правда, прежде чем стать главным художником Башкирского драматического, он успел два года поработать в Баймаке. Вместе с такими, ныне известными артистами, как М. Хабидуллин, М. Хисматуллин, С. Саитов он создавал так называемый Второй Башкирский драматический театр, который приобрел широкую популярность. Затем М. Арсланов был отозван в Уфу.

— То время было очень интересным, творчески насыщен-

лектив театра, и режиссера привлекали яркие, революционно-патетические пьесы, которые соответственно требовали звонкого и размахистого оформления.

Позволю привести еще одно воспоминание М. Арсланова: — Меня слегка смущало то обстоятельство, что Магадиев выбирал, казалось бы, самые сложные для постановки пьесы. Взять хотя бы «Бориса Годунова». В нем 22 картины, что на художника накладывает огромную трудность. Никаких моделей, образцов мы, разумеется, не имели, да если бы и имели, не стали бы ими пользоваться — хотелось сделать свое, самобытное. Мы стали искать к каждой картине определенное художественное решение, которое, прямо скажем, рождалось в муках. Помню, мы применили тогда немало условных деталей; основной фон был одноцветно-темным, в который мы обильно влили зловещий красный цвет... Потом Магадиев говорил, что он показывал эскизы Мейерхольду, с которым был лично знаком, и тот отзывался о них весьма благожелательно.

— Если уж говорить об условности, — продолжает Мухамет Нуриахметович, — то тут, вообще, я считаю, надо быть чрезвычайно осторожным. Условность ради условности — фикция. Деталь должна быть действенной, выражать мысль. Условность — это и есть, пожалуй, образ, ибо даже в самом живописном оформлении так или иначе присутствует условность. Помню, я хотел оформить спектакль «Карлугас» в чисто условном плане. Не получилось, Материал сопротивлялся изо всех сил. Все зависит именно от материала. Каждая пьеса требует своего решения.

Впоследствии М. Арсланов познакомился с еще одним крупнейшим представителем советского изобразительного искусства — главным художником Большого театра Союза ССР Ф. Ф. Федоровским. Он очень внимательно отнесся к творчеству молодого башкирского коллеги, помог обрести ему силу и уверенность в себе. Образ этого большого художника и благородного человека М. Арсланов свято хранит в своей душе...

Мухамета Нуриахметовича отличают исключительное трудолюбие и жажда поиска. Если ему приходится оформлять какой-либо спектакль [из тех, что получают «второе рождение»] заново, он никогда не станет повторять однажды использованные средства, а будет искать кардинально новое решение.

В общем счете М. Арсланов за сорок лет своей творческой деятельности оформил художественно около двухсот спектаклей, не говоря уж о различных концертах и других торжественных мероприятиях. Это очень много. Но, конечно, не число определяет труд художника, а значимость труда. А об этом уже говорилось выше.

В 1943 году, когда художнику было тридцать три года, ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств республики. В 1954 году он получил высокое звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Наконец, в 1968 году он удостоивается звания народного художника Башкирской АССР. А мы продолжаем смотреть все новые и новые спектакли, оформленные главным художником-постановщиком Башкирского государственного театра оперы и балета Мухаметом Арслановым, не уставая удивляться свежести его фантазии и палитры.

Г. ШАФИКОВ.

30 9 МАЯ 1972

ВЧЕРНИЙ УФА